

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ МЕЙНСТРИМ В ЛИНГВИСТИКЕ – II?¹

Инна А. Угланова

Пермский государственный университет, Россия

Логическая полнота (или неполнота) любой системы аксиом не может быть доказана в рамках этой системы. Для ее доказательства или опровержения требуются дополнительные аксиомы

Вторая теорема Гёделя о неполноте

This article is the continuation of the text published in one of the previous issues of *Philological notes*. The problem of the status of modern linguistics is discussed in the form of an antique dialogue. Besides, the author's understanding of some linguistic terms which have not been correspondingly defined in the previous article is specified there by the author.

В двух последних выпусках «Филологических заметок», в моей статье «Существует ли мейнстрим в современной лингвистике?» и, как сам определил автор Ю.А. Левицкий, в заметках по поводу этой статьи «Еще раз о мейнстриме в лингвистике», обсуждалась проблема определения статуса современных лингвистических исследований: проводятся ли они в рамках какой-то исследовательской парадигмы или же имеют внепарадигмальный характер. Одним из замечаний автора заметок явилось то, что многозначность лингвистической терминологии «приводит к недопониманию того, что имел в виду автор (если он действительно что-то имел в виду)» (Левицкий, 2007: стр. 147). В данной статье я попыталась снять это терминологическое **напряжение**, используя жанр, не свойственный современному лингвистическому дискурсу, – античный жанр философской беседы, который дошел до нас прежде всего благодаря трудам Платона. Тогда, во времена Платона, подобный стиль был не просто внешней формой выражения, а это был способ исследования истины «при помощи вечной постановки вопросов и гипотез, при помощи нескончаемого и беспокойного драматизма мысли», идущий еще от Сократа (Лосев, 1990: стр. 52). Размышления представлены, быть может, под несколько претенциозным названием «Неократил». Но есть объективные

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы развития научного потенциала высшей школы №РНП 2.1.3.6711.

причины, послужившие основанием для такого шага. Как известно, в диалоге «Кратил» обсуждается проблемы правильности имен и критикуется, устами Сократа, релятивизм в учении об именах. Диалог «Кратил» в творчестве Платона считается одним из самых замысловатых и трудных для понимания. И композиционно, и содержательно этот диалог по-разному трактуется исследователями. Как отмечает А.Ф. Лосев, «отсутствие обобщающих выводов и какой-то неопределенный итог диалога – все это заставляет принять весь диалог в бессвязном виде, либо прибегнуть к разным, достаточно рискованным домыслам» (Лосев, 1990: стр. 826). Для меня важно в этой явной исторической корреспонденции, что и содержательно, и жанрово эта форма ближе соответствует реальной полифонии мнений и имманентной диалогичности любой речи. Как говорил Кратил, «кто знает имена, тот знает и вещи» (Платон, 1990: стр. 675). Но каждый из нас может видеть один и тот же предмет по-разному: то «двузубым», то «дважды-пьющим», то «снабженным рукой»...

Неократил

(диалог в понятиях о мейнстриме в лингвистике)

Несогласный, Сомневающийся и Философствующий

Сомневающийся. О учёные мужи, на правах незаинтересованной стороны позвольте очередную беседу о мейнстриме в лингвистике вести мне. Поскольку содержание понятия «мейнстрим» подробно обсуждалось одним из вас в прошлых дискуссиях, предлагаю сразу перейти к обсуждению основных положений защиты спорящих сторон.

Философствующий (задумчиво). О стремительная юность, позвольте чуть-чуть сдержать Ваш нетерпеливый пыл и *напомнить* основные тезисы предшествующих дискуссий, дабы ход наших мыслей был прозрачен и несведущему.

Несогласный. Согласен. Пусть будет так. Ваш ход, Философ.

Философствующий. Сыграем в орлянку.

Несогласный достаёт монету и подкидывает её в воздух. Философствующий наклоняется и заглядывает.

Философствующий. Орёл.

Несогласный. Так тому и быть. Ваш ход, Философ.

Философствующий. Основной мой тезис остался неизменным. Мы не можем говорить о том, что современные лингвистические исследования проводятся в рамках какой-то единой парадигмы. Мы

можем охарактеризовать черты, присущие современной лингвистике, но у нас нет никаких оснований считать их атрибутами парадигмы. Вследствие междисциплинарного (экстенсивного!) экспансионизма, наблюдаемого с середины 50-х годов XX века, современная лингвистика потеряла свой предмет, а вместе с ним и принцип системности. Ранее об утрате системности я говорил с большим люфтом сомнения, сейчас я это утверждаю однозначно.

Сомневающийся настороженно смотрит на Несогласного, пытается уловить тень пробежавшей на его лице эмоции. Не удалось.

Несогласный. Для начала следует определить понятия. И начать с объема понятия парадигма.

Сомневающийся. А не самоочевидно ли это? Термин вполне устоявшийся в науке. 62-й год. Томас Кун. Структура научных революций. Несмотря на логическую неопределенность термина «парадигма», которую мы находим в его книге, тем не менее, сейчас уже де-юре мы вкладываем в него некое унифицированное содержание, принимаемое всеми. (Видя реакцию собеседников, поспешно уточняет) большинством.

Несогласный (иронично). И что же по Вашему разумению такое *определенное* понимает под парадигмой такое *неопределенное* большинство?

Сомневающийся. Первое что приходит в голову – парадигма как некая система общепринятых представлений.

Философствующий (видя замешательство Сомневающегося, приходит ему на помощь). Позвольте, я верифицирую Вашу ассоциативную реакцию рассуждениями самого автора. «Вводя этот термин, – замечает Т. Кун, – я имел в виду, что некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований – примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, – все в совокупности дают нам модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования» (Кун [электронный ресурс]). Таким образом, под парадигмой здесь мыслится вполне определенная поведенческая модель, с четко заданными параметрами и с четко обозначенной областью задания.

Сомневающийся. И что же? По Вашему мнению, в современной лингвистике отсутствует такой генплан развития?

Философствующий (отстраненно улыбаясь и глядя сквозь Несогласного, задумчиво повторяет) основной мой тезис остался неизменным...

Несогласный (подмигивая Сомневающемуся, нарочито пафосно). О да, это же Философия! Земная юдоль, она только для ремесленников. Только кодовое слово произнеси, и всё – они уже в каком-нибудь своем космогоническом трансe. Все течет, все изменяется, и, глядишь, уже и в реку-то нельзя войти одну и ту же дважды. И мир есть не что иное, как абберация зрительных нервов. Малообоснованная и... – вменяемая абстракция.

Сомневающийся. Ну хорошо, допустим, абстракция. Тогда, что Вы понимаете под парадигмой?

Несогласный. Мне представляется, что в этом термине вообще нет смысла. Он только, как обычно, всё запутывает, что является профессиональной компетентностью философов. Их в этом вряд ли, конечно, стоит винить. У каждого свой... э-э-э, способ существования. Если народ требует зрелищ и готов поделиться за них хлебом, то почему бы и нет.

Пауза. Философ не реагирует. Погружен в свою антиматерию.

Несогласный. До Куна с ролью парадигмы вполне справлялись и другие номинативные единицы. В лингвистике традиционно существовало и существует слово «направление», которое может характеризоваться через целый ряд школ, «разделяющих основные идеи общего направления и различающихся между собой частностями» (Левицкий, 2007: стр. 147). Таким образом, все смысловые ключевые компоненты слова «парадигма» есть уже в слове «направление».

Философствующий (выйдя из философского трансa). Да, согласен. Есть такие единицы в лексической системе, но их наличие отнюдь не обесмысливает смысловой статус другой единицы – парадигмы. Возьмём двадцатый век. Господство структурализма. Но не безраздельное. Конечно же, помимо структурного направления, объединяющего целый ряд научных школ (из крупных – пражская, датская, лондонская, американская, московская), были, как водится, и неструктурные, но! не школы, а скорее единичные концепции. Бесспорно, по результативности и популизму, структурное направление было форвардом в науке. Почему – это тоже понятно. Напршивается аналогия с промышленным переворотом в Англии XVIII в. Переход от мануфактуры (как бы мы сейчас сказали эксклюзивного handmade) к фабрично-заводской промышленности. Машины заменили руки. Так же и со структурализмом. Был создан мировой мегацех под названием «структурализм»...

Несогласный (прерывая затянувшиеся размышления Философствующего). Позвольте-позвольте, уважаемый, и мне

вклиниться (*чуть в сторону*) в Ваш монолог с самим собой. Скромно осмелюсь дезавуировать Вашу иронию, уважаемый, потому как ирония в данном случае вряд ли окажет хорошую услугу нашему Сомневающемуся. Никто не будет отрицать, что в рамках структурализма была успешно (я бы сказал блестяще!) выполнена та задача, которая перед ним стояла: описать структуру языка исчерпывающим образом, что предполагало, во-первых, установление системы единиц на всех уровнях, а также классов, в которые эти единицы объединяются, а во-вторых, описание законов сочетания элементов различных классов, то есть описание отношений между единицами в системе языка.

Философствующий. (Тихо, но слышимо для окружающих, без иронии) Снимаю шляпу. (Продолжает, не желая сдавать свои позиции в акустическом пространстве). Да-да, помним-помним, язык есть форма, а не субстанция. В языке нет ничего кроме различий.

Несогласный. Напрасно иронизируете.

Философствующий. Доля иронии в удельном отношении не превышает значимых пяти процентов. Никто не сомневается в том, что описание системы отношений является одной из важных задач исследования онтологии системы. Структура может быть объектом изучения, но до определенного предела. Структура не существует вне субстанции.

Несогласный. А никто и не утверждает обратного. Системный подход к языку-объекту как раз и требует «совместного рассмотрения строения и функционирования системного объекта» (Тулдава, 1987: стр. 11). Функционирование, понимаемое не только узко, как взаимодействие между элементами внутри системы, но и широко – как взаимодействие с внеязыковой действительностью (там же). Именно подход от имманентной системы каузировал, как Вы говорите, междисциплинарную экспансию, суть которой в выявлении «закономерностей функционирования этой системы, т.е. переход от лингвистики языка к лингвистике речи (parole)» (Левицкий, 2007: стр. 151).

Сомневающийся. Так, я начинаю терять нить рассуждений. Всё-таки вернемся к понятию парадигма, или направление, как говорит уважаемый Несогласный. Развивается ли современная лингвистика в рамках какого-то единого направления, парадигмы или же она внепарадигмальна?

Философствующий. Вы меня перебили и не дали закончить мысль. Итак, XX век прошел в лингвистике под знаменами структурализма. Но не надо думать, что структурализм – детище

только лингвистики. Изучение структуры, «углубление» в структуру в целом, происходило во многих науках, что соответствовало глобальному исследовательскому проекту – научной парадигме XX века. Наука открыла, что существует не только макро-, но и микромир, что привело к удивительным открытиям. Микробиология. Были открыты генетические законы, которые регулируют механизмы наследственности. Не клетка, а ген. Это уже совершенно иной уровень осмысления бытия – молекулярный. Да наука уже ушла дальше в исследовании генома. Физика микромира. Теория взаимодействия элементарных частиц. Оказалось, что материя состоит не из атомов, как считалось ранее, а из бесконечного многообразия самых разнообразных явлений, видов и форм материи. Бесконечного разнообразия типов отношений. Здесь можно говорить бесконечно. Мой тезис таков: существует некая единая парадигма, как глобальная порождающая концепция. В ее рамках существуют некие «суверенные» в определенном смысле исследовательские направления, которые в свою очередь могут объединять сколько угодно школ, разрабатывающие отдельные аспекты общей теории. Таким образом, терминологическая необходимость в наличии понятия «парадигма» для эпистемологии и истории науки очевидна. Структурно парадигма является генеральным, родовым понятием, а направления составляют отдельные видовые сущности.

Сомневающийся (перебивая затянувшийся монолог Философствующего, воодушевленно). А школы в этой структуре тогда занимают место, подобное базовому уровню категоризации!

Философствующий (задумчиво). Именно так... Говоря о парадигме, Кун отмечал, что «эта единица как некоторое целое не может быть полностью сведена к логически атомарным компонентам, которые могли бы функционировать вместо данной парадигмы» (Кун [электронный ресурс]). (Пауза). Парадигма – это готовый инструмент: что изучать, как изучать и даже дает нам уже заранее предсказуемый ответ, что мы получим «на выходе». Потому структурализм и был так успешен. Конвейер. Мегацех... (Пауза).

Сомневающийся (нервно из-за затянувшейся паузы и из-за отсутствия видимого желания Несогласного поддержать беседу, решается задать вопрос). А могут существовать направления и школы без парадигмы?

Несогласный. Парадигма и направление – *idem per idem*². Dixi.

² *Idem per idem* – (лат.) одно и то же.

Философствующий (иронично реагируя на последнюю реплику Несогласного). А я вот не все сказал. Отвечая на Ваш вопрос, Сомневающийся, скажу – Да! могут! Могут существовать научные школы, они могут даже объединяться в более крупные единицы и составлять целые направления, в основании которых лежат определенные научные теории, но при этом оставаться внепарадигмальными. Что мы, собственно говоря, и наблюдаем в современной лингвистике – ряд доминирующих теорий. Но об этом я уже подробно говорил в рамках первой дискуссии (см. Угланова, 2006: стр. 163-173).

Несогласный. Интересно было бы услышать, что же не позволяет вам объединить их в единую парадигму? По-моему, это все просто философские фантазии, не имеющие под собой никаких оснований. «Основным направлением современной лингвистики (mainstream) вполне естественным представляется всестороннее описание предмета речи» (Левицкий, 2007: стр. 154). Я специально сделал акцент на «вполне естественным», потому что «после выявления устройства языковой системы вполне естественным был переход к следующей задаче – выявлению закономерностей функционирования этой системы, т.е. переход от лингвистики языка к лингвистике речи (parole)» (там же: стр. 151). Ну, об этом я уже сегодня рассуждал. Нет никакого междисциплинарного экспансионизма. Это естественное явление, заложенное в природе «языка-объекта». Логика развития самого предмета исследования. В переходе от лингвистики языка к лингвистике речи.

Философствующий. Да. Именно так. Здесь ключевым является – «в переходе»! Вот в этой фазе развития и пребывает современная лингвистика.

Сомневающийся. Почему же нельзя назвать те исследования, которые сегодня ведутся в области лингвистики речи, парадигмальными? Лингвистика речи как парадигма.

Философствующий. Все бы хорошо, если бы это было так. Повторяю, ключевое слово – «в переходе от... – к...». То, что мы наблюдаем в современной лингвистике больше похоже на разрозненный сбор фактов. Не буду отрицать, да, возможно, что, скорее всего, лингвистика находится на ранней стадии формирования новой парадигмы. Пожалуй, вся наука находится на этой стадии, стадии болезненного кризисного перехода.

Несогласный (в сторону, но адресно). Да, философы любят сгущать краски. Выдумать Атлантиду, а потом затопить ее, чтоб интрига была, чтобы не скучно жить было.

Философствующий (увлекшись изяществом логики своих рассуждений, продолжает, не обращая внимания на колкости Несогласного, пафосно). Работаем над созданием очередного фонда фактов. Пока нет качественного скачка. Следуя законам диалектики, он, конечно же, будет. Но пока есть только эсхатологические надежды, тоскующие по очередной экзегетике (здесь без всякого религиозного подтекста). (Пауза). За исключением направления, вектора, «двигаться в сторону...» больше нет основания говорить о развитии в рамках парадигмы. Нет теоретического (программного) бэкграунда. Потому возникает вопрос о легитимности современного лингвистического научного дискурса. Современной лингвистике более подходит определение «случайная лингвистика». Нет образца, в куновском смысле. Нет парадигмы. Вслепую собираем факты, каузированные нашим же сознанием, что надо заметить, не всегда плохо, но не в среднестатистическом смысле.

Сомневающийся. И на чем же будет основана эта парадигма?

Философствующий. Это будет парадигма, построенная на совершенно новых основаниях, на принципиально новом понимании природы исследуемых объектов. Он будет связан с преодолением парализующего релятивизма, который приобрел в современной науке скорее деструктивные формы. Это будет парадигма новой системы. Для этого нужна своеобразная теодицея (в смысле примирения непримиримого), новая мифология, которая примирит отдельные части нашего фрагментарного разума, разрозненные осколки сознания в полиморфное единство, в этом смысле синергетическое образование. Это даст нам новый инструментарий не в объяснении, а в понимании природы.

Несогласный. Как сказали бы древние, вывод из положения, которое еще надо доказать.

Сомневающийся (поглощенный идеями). А, может быть, это принципиально невозможно? И мы не можем объяснить себя из самого себя? Вспомним теорему Гёделя о неполноте. Всякая система математических аксиом, начиная с определенного уровня сложности, либо внутренне противоречива, либо неполна.

Философствующий (философски). Ну, это уже совсем звучит обреченно. Человечество – все-таки оптимистически настроенная единица мироздания. Я бы сказал даже, что идеалистическая составляющая доминирует в генотипе человека.

Литература

Кун. Томас. Структура научных революций. [электронный ресурс]
http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/kun/tomas_00.html

Левицкий. Юрий. А. 2007. Еще раз о мейнстриме в лингвистике (заметки по поводу статьи И.А. Углановой). в Филологические заметки. Вып. 5: в 2 ч. Пермь; Скопье; Любляна. Ч.1. Стр. 146-159.

Лосев. Алексей. Ф. 1990. Жизненный и творческий путь Платона. Мысль: Москва.

Платон. 1990. Собрание сочинений в 4 т. Мысль: Москва. Т.1.

Тулдава. Юхан. 1987. Проблемы и методы количественно-системного исследования лексики. Валгус: Таллинн.

Угланова. Инна. А. 2006. Существует ли мейнстрим в лингвистике? Филологические заметки. Вып. 4: в 2 ч. Пермь; Скопье; Любляна. Ч.1. Стр. 163-173.